

УДК 811.1/.2, 81'373

UDC 811.1/.2, 81'373

Беленов Николай Валерьевич**Самарский государственный социально-педагогический университет****г. Самара, Российская Федерация****Nikolay V. Belenov****Samara State University of Social Sciences and Education****Samara, Russian Federation**

belenov82@gmail.com

**ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ ФОРМАНТЫ
И ИЗОГЛОССЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ
INDO-EUROPEAN HYDRONYMIC FORMANTS AND ISOGLOSSES
OF THE SAMARA VOLGA REGION
IN ETHNOHISTORICAL CONTEXT**

Аннотация

В статье рассматривается ряд характерных для ранних индоевропейцев гидронимических формантов в связи с гидронимией и этнической историей Самарского Поволжья. Аргументируется обоснованность выделения рассматриваемых формантов, на основании проверки по ряду значимых топонимических критериев. Основное внимание при этом уделяется целесообразности выделения гидронимического форманта *pa*, являющегося наиболее значимым для макро- и мезогидронимии исследуемого региона. По мнению автора, гидронимы Самарского Поволжья, содержащие формант *pa*, являются наиболее архаичными для данной территории и восходят к языкам населения, впервые полноценно освоившего регион в период энеолита. Остальные, рассмотренные в статье гидронимические форманты и изоглоссы, могли бытовать параллельно с данным формантом, что подтверждается рядом примеров, либо включиться в топонимический процесс на более поздних этапах индоевропейского освоения региона. Каждый из рассматриваемых гидронимических формантов иллюстрируется, при наличии, примерами из гидронимии Самарского Поволжья с последующей этноисторической интерпретацией. В целом, наличие в большинстве названий крупных и средних рек региона раннеиндоевропейских гидронимических формантов подтверждает гипотезу о формировании основной гидронимической номенклатуры Самарского Поволжья в раннеиндоевропейской этноязыковой среде, в эпоху бытования на данной территории самарской, хвалынской, древнеямной, полтавкинской и срубной археологических культур.

Abstract

The article considers a number of hydronymic formants characteristic for early Indo-Europeans in connection with the hydronymy and ethnic history of the Samara Volga region. The article argues for the necessity to single out the formants as far as they correspond to a number of significant toponymic criteria. The primary attention is paid to the particular need

to distinguish *RA* formant as the one being the most important for macro- and meso-hydronymy in the region under study. There are reasons to consider that the hydronyms of Samara Volga region containing *RA* formant, are the most archaic to the area and date back to the languages of the peoples who were the first to fully settle in the region during the Aeneolithic period. Other hydronymic formants and isoglosses discussed in the article could exist parallel to the formant, as proved by a number of examples, or could be included in topogenesis at the later stages of Indo-European development of the region. Each of the reported formants is illustrated, where possible, by examples from hydronymy of Samara Volga region accompanied by ethnohistorical interpretation. In general, the presence of early Indo-European hydronymic formants in most of the names of large and medium-sized rivers of the region proves the hypothesis about the formation of the major hydronemic nomenclature of the Samara Volga region in the early Indo-European ethno-linguistic environment, in the era of Samara, Khvalynsk, Ancient Yamna (Pit-grave), Poltavka and Srubna (Timber-grave) archaeological cultures.

Ключевые слова: топонимика, гидронимия, Самарское Поволжье, этническая история, раннеиндоевропейская гидронимия.

Keywords: toponymy, hydronyms, Samara Volga region, ethnic history, ancient Indo-European hydronyms.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_1_16_34

1. Введение

Индоевропеистика, вызвав к жизни интерес к изучению топонимов в научных кругах Европы, уже на заре становления топонимики как науки в современном понимании этого термина, способствовала развитию исследования гидронимических формантов и изоглосс как одного из ведущих направлений топонимических исследований.

Здесь надо отметить, что индоевропейские языки дают замечательное многообразие гидронимических формантов, топонимических и гидронимических изоглосс, среди которых есть как общие для всех (или подавляющего большинства) индоевропейских языков, так и отличительные для той или иной группы индоевропейских языков, в том числе, на определённых этапах исторического развития.

Очевидно, что, чем более ранний период развития индоевропейских языков будет нами рассмотрен, тем более общие изоглоссы, в том числе и топонимические, будут нам встречаться. На протяжении последних десятилетий ряд исследователей считают возможным говорить о балто-тохаро-славяно-германо-фракийских, тохаро-итало-кельтских, балто-тохаро-фриго-лувийских и прочих изоглоссах [Иванов, 1988, с. 47].

Гидронимические изоглоссы и форманты, индоевропейская гидронимия и её характеристические черты часто становились темой исследования работ В. И. Абаева, Б. В. Горнунга, В. В. Иванова, Х. Краэ, П. Кречмера, А. Мейе, Б. А. Серебренникова, В. Н. Топорова, О. Н. Трубочёва, М. Фасме-

ра, Н. Л. Членовой, Г. Шрамма как в свете собственно топонимических вопросов, так и в более широком контексте индоевропеистики [Абаев, 1979, с. 333; Горнунг, 1963, с. 89; Иванов, 1988, с. 55; Krahe, 1964, с. 103; Kretschmer, 1944, с. 36; Мейе, 1938, с. 99; Серебренников, 1955, с. 30; Топоров, 1962, с. 117; Трубачёв, 1962, с. 117; Фасмер, 1986, с. 133; Членова, 1989, с. 193; Шрамм, 1997, с. 101].

2. Анализ гидронимических формант

В контексте нашего исследования, интересно рассмотреть наиболее характерные индоевропейские гидронимические форманты и изоглоссы применительно к территории Самарского Поволжья, о заселении которого носителями индоевропейских диалектов по косвенным данным можно говорить с IV тыс. до н. э. [Васильев, 1999, с. 55].

Одной из наиболее распространённых изоглосс такого рода являются устойчивые сочетания ряда фонем в индоевропейских языках, гипотетически возводимые к одной праформе со значением течь, текущий.

2.1. Праформа *sr*

Речь идёт о гидронимической основе *sr*, которую традиционно реконструируют как *ser* [Герценберг, 1972, с. 59]. Однако данная форма, как представляется, не может быть однозначно признана как исходная. Она объединяет такие языки, как индоарийские, иранские¹, кельтские, некоторые балтские (литовский) и является вариацией гидронимической основы-изоглоссы *str* практически во всех славянских языках.

Изоглосса *str*, характерная для славянских, балтских, фракийских, германских и, возможно, части иллирийских, языков не всегда устойчива внутри как групп языков, так и каждого отдельного языка. Однако, применительно к гидронимическим терминам и названиям рек и озёр, в рамках отдельного языка демонстрируется большая устойчивость, а разграничения, также достоверные, могут проходить даже между родственными языками (ср.: в латышском *str*, в литовском *sr*).

Вместе с тем, целый ряд индоевропейских языков (италийские, иллирийские) характеризуется иной гидронимической основой – *tr* и её различными вариациями: например, иллирийское *dru* с тем же значением «течь», откуда ряд гидронимов Восточной и Центральной Европы: *Драва*, *Адрия*, *Дервента* и так далее. Здесь же надо указать, что имеются основания полагать о переходе основы *tr* в кельтских и некоторых других индоевропейских языках в германоязычной этноязыковой среде в форму *dr* (ср.: немецкое *Драйзам* из кельтского *Tragisama*. При этом произношение данного гидронима в кельтском также дискуссионно) [Krahe, 1964, с. 20]. Зафиксировано распространение данной гидронимической основы на восток

¹ В них произошёл закономерный переход фонемы *s* в *x*: ср. гидроним *Герируд* «текущая река», ирано-пуштунское название реки *Теджен*; вопреки распространённой версии, название города *Герата* вторично по отношению к гидрониму, первоначально город носил название *Артакона* или *Ариана*; далее, гидроним *Харахвати* вместо индоарийского *Сарасвати* и др.

(гидронимы *Терек*, *Терса* и др.), проникновение её в ряд древних иранских языков [Абаев, 1979, с. 336], правда, с несколько иной семантикой. Приведённый пример из кельтской гидронимии также отражает бытование формы *tr*, наряду с превалирующей в кельтских языках *sr*.

У нас нет данных, которые бы позволяли утверждать первичность формы *sr* перед *tr* либо наоборот. Также необходимо учитывать, что в ряде языков (а точнее: практически во всех индоевропейских языках) данные формы могут сосуществовать, имея сходную семантику и активно участвуя в топонимии. Исключением здесь является гидрооснова *str*, которая для целого ряда индоевропейских языков вовсе не характерна.

По нашему мнению, имеющиеся данные позволяют предполагать для обеих указанных форм (и синкретической формы *str*) существование более ранней общей праформы, которую можно реконструировать в форме *θr*, где первая фонема соответствует звуку, обозначаемому буквой тета греческого алфавита, далее, вероятно, следовал неопределённый гласный, а замыкала основу фонема *r*.

Мы полагаем, что данная основа в неизменном виде сохранилась в ряде гидронимов, отчасти мифологических, некоторые из которых имеют реальные прототипы. Сравните, например, название реки амазонок в греческой мифологии – *Фермодонт* (так принято в русском написании, в действительности финальный *t* в оригинале отсутствует) и греческую форму *Θερμόδων*. Интересно, что название реального прототипа данного гидронима, протекающего по территории Малой Азии, впоследствии было изменено в тюркской этноязыковой среде на название *Terme Çayı*, что, по сути, является полукалькой античного названия. Для нас здесь, прежде всего, представляет интерес переход индоевропейской гидронимической основы у тюрков в форму, идентичную одной из вариаций праосновы *θr* в индоевропейских языках – *tr*. Этот факт позволяет предположить, что для ряда гидронимов Восточной Европы, имеющих сегодня основу *tr*, до прихода в эти места тюркоязычного населения, в названиях сохранялась архаичная праиндоевропейская основа *θr*. К сожалению, проверить данное предположение, ввиду отсутствия письменных источников с указанных территорий, не представляется возможным. Вторым примером неустойчивости первой фонемы данной гидронимической основы в различных этноязыковых средах является гидроним *Серет*, который у Геродота передан в форме *Τιάραντ*. Здесь, опять же, вопрос прочтения «геродотовых» гидронимов тесно связан с древнегреческой фонетикой.

В гидронимии Самарского Поволжья рассмотренная основа встречается в форме *str* в таких названиях как *Стерех*, *Сестра*, *Стерик*. В целом, примеров такого рода немного и в ряде случаев (напр., в случае гидронима *Сестра*, где вероятно выделение финали-топоформанта *ra*) они спорны. В целом, по нашему предположению, гидронимия такого типа на данной территории восходит к индоевропейскому языку носителей срубной археологической культуры и включается в достаточно представительную группу гидронимов, относящихся к средним и малым рекам [Беленов, 2017, с. 130]. К другим вариациям подобной основы может относиться гидроним

Сарбай (однако в этом случае имеется ряд сильных конкурирующих гипотез, напр., тюркская) и несколько гидронимов с сопредельных территорий: *Терса* (две реки с таким названием в Саратовском Поволжье), *Тирис* в Оренбуржье.

2.2. Формант *ra*

Формант *ra* в речных названиях, также формирующий своеобразную изоглоссу, продолжает оставаться предметом споров среди топонимистов и историков. Для гидронимии Самарского Поволжья, ввиду частоты встречаемости данного форманта и его несомненной архаичности, вопрос о правомерности его выделения и этноисторической интерпретации является, пожалуй, фундаментальным.

Несмотря на давно выявленные и, на наш взгляд, очевидные факты, говорящие за признание форманта *ra* раннеиндоевропейским, до настоящего времени далеко не всеми ономастами разделяется не только такая интерпретация, но и вообще существование данного форманта в каком-либо языке, и, соответственно, его участие в топонимии.

Аргументы, используемые противниками выделения данного форманта в раннеиндоевропейской гидронимии и в гидронимии вообще, сводятся к следующему:

– широкое распространение финали *ra* в речных названиях, составляющих ареал, который не может быть убедительно интерпретирован как принадлежащий не только какой-либо группе родственных языков на определённом этапе их развития, но и семье языков;

– зафиксированное употребление данного форманта в речных названиях, заведомо происходящих из неиндоевропейских и из неродственных между собой языков;

– частая встречаемость данной финали в различных индоевропейских (исторических и современных) языках, в словах, где она заведомо не является отдельным формантом со специфическим значением. Здесь, правда, надо сразу же оговориться, что на тех территориях, где возможно присутствие индоариев в ту или иную историческую эпоху, финаль *ra*, даже заведомо не являясь топонимическим термином, может указывать на принадлежность топонима индоарийским языкам. Подобных примеров множество, приведём лишь несколько: река *Брахмапутра* в Индии («сын *Брахмы*» – здесь, вероятно, имеет место вторичная этимологизация), остров *Сокотра* в Индийском океане, у побережья Сомали (*Двина Сахада-ра* – «Остров Предвестия Удачи»).

Однако при ближайшем рассмотрении данные аргументы оказываются малоприменимы к конкретному гидронимическому материалу – как в Самарском Поволжье, так и в раннеиндоевропейской гидронимии вообще.

Во-первых, ещё в ходе известного спора между Б. А. Серебренниковым и А. И. Поповым относительно теории формантов была высказана мысль, которую, при использовании данного подхода, следует принять за аксиому: выделение того или иного гидронимического форманта должно

происходить строго в рамках исторически, этнически и географически обусловленного ареала, все остальные случаи его фиксации должны подвергаться тщательному комплексному анализу. Таким образом, при исследовании вопроса о возникновении и распространении форманта *pa*, скажем, в Поднепровье, целесообразно использовать гидронимический материал с данным формантом из Среднего Поволжья, поскольку на протяжении длительного времени данные территории входили в ареал одной этноисторической общности (праиндоевропейской, обозначавшейся И. Б. Васильевым как «среднестоговско-хвалынская»), и, напротив, неправомерно без предварительного анализа привлекать в качестве как примеров, так и контрпримеров гидронимы *Ангара*, *Вишера*, *Пахра* и так далее, то есть названия рек с тех территорий, которые в данный ареал не входили.

Во-вторых, наличие одного и того же форманта в гидронимической номенклатуре народов, говорящих на неродственных языках, явление не столь редкое в топонимике, чтобы на этом основании подвергать сомнению правомерность выделения того или иного форманта. Один пример: гидроформант *дон / тон / дан*, широко известный в индоевропейских, в особенности в иранских, языках и аналогичный гидроформант в юкагирском языке. Автохтонность происхождения указанного форманта у представителей обеих этноязыковых сред, равно как и правомерность его выделения, не вызывает сомнений (см. историю данного вопроса, с заочной полемикой А. П. Дульзона и Г. Н. Курилова у А. М. Малолетко [Малолетко, 2003]), а между тем вероятность такого независимого параллелизма на порядок ниже, чем в случае с формантом *pa*, если исходить из классического определения вероятности. Однако здесь нельзя игнорировать и возможность случайного совпадения: в юкагирском языке *-d-* является отдельной морфемой.

В-третьих, в существовании у индоевропейских народов в прошлом форманта *pa* в качестве самостоятельного гидронимического термина (что, кстати говоря, не является обязательным условием для лингвоэтнической интерпретации того или иного гидронимического форманта) убеждают следующие аргументы:

– фиксация данного форманта в качестве самостоятельного названия реки в «*Авесте*», «*Ригведе*» и у античных историков и географов, в частности, у Птолемея и Аммиана Марцеллина;

– распространение подобных гидронимов на территориях, для которых присутствие носителей архаичных индоевропейских диалектов не подвергается сомнениям, вне зависимости от гипотетического расположения «индоевропейской прародины»; например, река *Раа* в Башкортостане и *Рось* в Поднепровье; *Аранха* – иранское название Амударьи (сравните авестийское *Рангха*; *Рахси* – название кавказского Аракса в доскифскую эпоху); река *Рага* в Иране и ещё одна река с таким же названием, приток *Пянджа*, в Афганистане; *Рахамасты* – река в Горном Алтае, в непосредственной близости от ареала археологических памятников «пазырыкского типа»;

– установление исходной праформы для данного форманта, гидронимических и иных терминов: индоевропейского корня *рь / ри* со значениями «*передвигаться, идти, кочевать*» [Kretschmer, 1944, с. 55], откуда вариации гидронимического термина (см. ниже), а также *ratha* – «*безудержно продвигаться*» в митаннийском арийском; *ρέει, ροή* – «*течь, протекать*» в греческом; *раха* – «*путь*» в таджикском, бытует в словосочетании *об-раха* – «*путь воды*»; *rez, rehtan* в иранском «*течь, литься*»; *ристать* – в старорусском «*быстро двигаться, ездить*», также в русском языке слова *рысь, рыца, рыскать*; *risch* – «*проворный, быстрый*» в средневерхненемецком; *risčiai* – «*бежать рысью*» в литовском; *ratha* – «*колесница*» на санскрите; *рава* – «*колесница*» на авестийском; *rith* – «*бежать, быстро двигаться*» в ирландском.

– бытование данного названия в современных мордовских языках, только применительно к Волге в форме *Рав / Рау / Раво / Рава*;

– фиксация данного либо фонетически близкого термина в самостоятельном гидронимическом значении, как в исторических, так и в современных индоевропейских языках: в авестийском – *ravan* в значении «*река*»; в хотано-сакском *raha* – «*река*»; в латышском *rova / rava* – «*лужа*», *rava / revas* – «*глубокое место в воде*», *raava* – «*водопад*»; в литовском *ravas* – «*овраг, в том числе, обводнённый*», *revos* – «*порог (на реке)*»; наконец, наиболее показательный пример – в талышском: *ру* – «*река*».

Приведённые аргументы дают основание полагать, что выделение подобного форманта для ряда архаичных индоевропейских языков и бытование его в них в качестве самостоятельного гидронимического термина, активно участвовавшего в топонимии, не вызывает сомнений. Здесь надо отметить, что семантическая связь «*река – движение*» вообще характерна для индоевропейских языков, хотя и редко встречается внутри какого-либо одного, отдельно взятого языка.

Это, безусловно, не означает, что все вопросы относительно данного форманта и его этноисторической интерпретации разрешены. Так, далеко не во всех случаях можно достоверно различать, к какому гидронимическому пласту относится то или иное название – к архаичному индоевропейскому или более позднему балтскому. Характерным примером такой неопределённости является гипотеза Ф. И. Гордеева о происхождении античного названия Волги из балтских языков, с заимствованием из них же в мордовские [Гордеев, 1969, с. 129]. И хотя в данном конкретном случае, как нам представляется, разграничение всё же возможно и балтские языки в качестве первоисточника здесь надо исключить – исходя из семантических вариантов бытования в них гидронимических терминов с основой *рава*, в случае названий небольших речек всё не так очевидно.

Близко соотносится с данным вопросом и дискуссия вокруг форманта *руд / руда* в восточноевропейской гидронимии. Гипотеза Н. Л. Членовой, выдвинутая ей в известной работе, об иранском происхождении данного форманта, поддержанная В. И. Абаевым, неоднократно подвергалась резкой и, в целом, обоснованной критике (см, напр., С. Р. Тохтасьев, в разделе

«Дискуссии» в книге Л. С. Клейна «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов» [Клейн, 2007, с. 200]), которая сводилась к фактам достоверной трактовки подобного типа гидронимов от славянского руда – «красноватый, рыжий». Однако, надо полагать, что и здесь всё не так однозначно: ведь, наряду с иранскими гидронимами Герируд, Сефидруд, Шахруд, в которых формант руд имеет значение «река», подобное значение фиксируется и в современных балтских языках: сравните, в латышском *rudynas* – «ручей». Помимо этого, непререкаемый научный авторитет автора гипотезы – одного из ведущих отечественных археологов и крупнейшего отечественного ираниста – сам по себе обязывает отнестись к ней с повышенным вниманием.

В Самарском Поволжье пласт гидронимии с формантом *ra* представлен названиями: *Самара, Кубра, Чагра, Сестра, Ра* (историческое название Волги)². Данный список может быть существенно расширен за счёт реконструируемых форм (напр., в ряде источников *Кондурча – Кондура*), кроме того, в русском языке происходит активное включение суффикса к в данный формант – в особенности, в тех случаях, когда на соответствующих реках основаны одноимённые города. Сравните: река *Самара* в разговорной речи жителей города в большинстве случаев фигурирует как *Самарка*, в ряде случаев подобные изменения закрепились в официальной топонимической номенклатуре. В каждом отдельном случае здесь, конечно, необходимо специальное исследование, с привлечением максимально широкого круга источников. На данном этапе исследований можно отметить, что, исходя из историко-археологических и лингвистических предпосылок, с учётом топонимических закономерностей, пласт гидронимии на *ra* в Самарском Поволжье является наиболее архаичным и может восходить к эпохе освоения данной территории носителями индоевропейских диалектов, то есть, согласно современным этноисторическим концепциям, ко временам хвалынской археологической культуры [Васильев, 1999]. Новейшими исследованиями самарских археологов подтверждается, что в самарско-хвалынскую эпоху территория Самарского Поволжья была плотно заселена: поселения и могильники с материалами, имеющими надёжные параллели в самарских и хвалынских памятниках, обнаружены практически на всех крупных реках региона [Археологические открытия..., 2017, с. 17]. А это, в свою очередь, означает, что уже в это время здесь должна была сформироваться развитая топонимическая номенклатура.

2.3. Формант *kub / kob / koba*

Гидроформант *kub / kob / koba*, относится, по всей видимости, также к древнеиндоевропейским. О его неоднозначности в различных индоевропейских языках мы уже говорили. Интересно также коснуться вопроса о бытовании данного гидроформанта в качестве самостоятельного гидроними-

² Следует помнить, что историческое название Волги – *Ра* – так же явно выводится из древнечувашского *Ыра* – «река», являющегося, в свою очередь, рефлексом общетюркского *YRYK* – «поток, ручей, река».

ческого термина в ряде тюркских языков и диалектов. В ряде диалектов башкирского языка (у камеликских башкир в Саратовской области), а также в казахском и каракалпакском языках термин *купа / копа* может означать «заросли камыша; мелководное озеро, болотистая местность, заросли камыша и куги» [Камалов, 1997, с. 197]. В целом, карта распространения данного гидротермина в тюркских языках, как мы полагаем, указывает на возможное заимствование в тюркские языки данного термина из какого-то среднеазиатского иранского языка. Также в ряде тюркских языков распространён географический термин *кобу* – «ложбина (без реки)» и лишь в отдельных диалектах азербайджанского языка встречается значение для данного термина «речка, по которой может проплыть лодка» [Севортьян, 1990, с. 47]. Учитывая локальность встречаемости такого значения, в этом случае также высока вероятность заимствования, предположительно, из какого-то иранского языка, возможно, азербайджанского. Исходя из материалов монгольского, чувашского, якутского языков в сравнении с кыпчакскими языками, представляется, что фонема *к* присутствовала в общем тюрко-монгольском языке, а в ряде языков, например, якутском, была впоследствии трансформирована в *х* [Гаджиева, Серебренников, 1986, с. 146–147, 154–155; Сравнительно-историческая ..., 1988, с. 11–12]. В отделившемся пратюркском языке фонема *к* также присутствовала, являясь одним из показателей собственно выделения, но, по всей видимости, оставалась малоупотребительной. В тюркских словах, относящихся к базовой лексике соответствующих языков, фонема *к* сохранилась.

В ряде источников (см., напр., [Kretschmer, 1944]) указывается, что термин *коба* присутствует в тюркских языках в значении углубление в земле, иногда – пещера. Термин вообще имеет широкое распространение в казахской топонимии, однако классик казахской топонимической науки Г. К. Конкашпаев однозначно утверждал, что названия с подобной основой на казахском языковом материале не этимологизируются [Конкашпаев, 1963, с. 59].

В связи с тем, что казахская топонимия имеет достаточно широкое распространение в Оренбуржье, представительную выборку мнений топонимистов о природе термина *коба / копа* в тюркских языках приводит Б. А. Моисеев [Моисеев, 2013, с. 100]. Сам исследователь пишет, что слово *копа* в казахском языке является географическим термином и означает местность, заливаемую водой в половодье. Е. Койчубаев приводит несколько иную трактовку термина: *копа* – это солончак, поросший камышом и кугой. Э. М. и В. Г. Мурзаевы в специальной работе, посвящённой местным географическим терминам, пишут: «*Копы* – болото, мелкое озерко, покрытое тростником и другими влаголюбивыми растениями (копа – слово казахское)» [Мурзаев, Мурзаева, 1959, с. 115].

В. М. Иллич-Свитыч реконструировал для гипотетического алтайского языка термин *goba / gobi* со значением «полый, пустой». В собственно тюркских языках данный термин зафиксирован с фонемой *в* вместо *б*. Впрочем, древнетюркский лексический фонд подобного термина не содержит, как и вообще не имеет близкого слова с гидронимическим значением

[Севортьян, 1990, с. 61]. Возможно, в данном случае к общей праформе с указанным значением исследователей приводил тюркский зооним *кабан* с семантикой «роющий землю, копающий вниз» (данное слово в русском и других славянских языках является заимствованным; ср. у славян: *вепрь*, *секач*, *пороз*). Однако подобная этимология зоонима нуждается, во-первых, в дополнительной аргументации, во-вторых, по нашему мнению, в тюркских языках данный зооним также является заимствованным. Так, он распространён не во всех тюркских языках: у чувашей и, по всей видимости, у огурских тюрков вообще, *кабан* обозначается словосочетанием *хир сысни*, то есть «степная (дикая) свинья», где *сысна* есть заимствование из какого-то архаичного индоевропейского диалекта, от *sūs* – «свинья». В конечном счёте, нельзя исключать заимствование и термина *кабан* тюрками из какого-то индоевропейского языка, однако исходная форма и семантика термина здесь трудно восстановимы. В особенности интересен данный вопрос в свете этимологий лимнонима *Кабан* на территории Казани, топонима *Кубань-озеро* и ряда других названий с подобной основой в Самарской области. Однако более вероятно то, что топонимы с формой *Кабан* ничего общего со свиньей не имеют. Так, в бурятской топонимике имеется *Кабанский район* – отнюдь не передовик по свиноводству.

В ряде источников декларируется, что термин *koban* бытовал в среде болгар, в том числе волжских, в значении «река» [Барашков, 1996, с. 63]. Отметим, что гидронимическая номенклатура территории бывшей Волжской Булгарии подтверждений данной гипотезе не представляет [Беленов, 2016]. По всей видимости, основанием для подобных утверждений стало наличие данного термина в карачаево-балкарском языке в форме *къобхан* со значением «разливающийся бурный поток» [Трубачёв, 1962]. В этногенезе данных тюркских народов действительно принимали участие болгары, однако значительность данного участия до сих пор остаётся предметом дискуссий. Карачаево-балкарский язык относится к кыпчакским языкам, также выделяется в нём и смешанный кавказский субстрат. К данному субстрату, по нашему мнению, следует отнести и рассматриваемый термин, который, кроме прочего, вполне может восходить к индоевропейскому названию крупнейшей реки региона – Кубани, впоследствии ставшем нарицательным в местных языках. Таким образом, имеется основание считать, что собственно к болгарскому языку и, тем более, к диалектам волжских болгар, данный термин отношения не имеет.

Возвращаясь к индоевропейской природе данного термина, хотелось бы проследить его семантику с возможными вариациями в исторических и современных индоевропейских языках. Как нами уже отмечалось, семантика эта прямо противоположная: в древних индоиранских диалектах она относится к обозначению гидрообъектов: древнеиндийское *kubha*, праиндоевропейское *kuba* / *koba*; в современных балтских языках – к обозначению возвышенностей и горных вершин: литовское *kubure*; *kuburys* – «куча, гряда»; литовское, латышское *kauburs* – «кочка»; литовское *kubrys* – «вершина»; литовское *kopa*, латышское *kapa* – «холм, бугор»; литовское *kaubre* – «гора»; латышское *kaupre*, литовское *kaupa* – «возвышенное ме-

сто». Впрочем, иногда в балтских языках данный термин используется и для обозначения отрицательных форм рельефа, сравните: литовское *kora*, латышское *kara* – «овраг» [Невская, 1977, с. 109]. Как в связи с этим не вспомнить замечание И. С. Тургенева в «Записках охотника» о том, что в Орловской губернии верхом называется овраг, то есть и здесь наблюдается, казалось бы, алогичная связь, когда отрицательная форма рельефа называется верхом. А также встречается ряд диалектных значений данного термина с «окологидронимической» семантикой, сравните: латышское *kaara* – «берег»; литовское, латышское *kora / kara* – «песчаная дюна».

Как представляется, пути семантических изменений в ходе исторического развития индоевропейских языков здесь могли быть следующими. Во-первых, если принять точку зрения О. Н. Трубачёва [Трубачёв, 1999, с. 93] о том, что данный гидроформант восходит к индоарийскому *kuba* со значением «извилистая», то семантика «извилистый, с изогнутыми очертаниями», в широком смысле, также может быть применима и к обозначению гор, и возвышенностей. Во-вторых, следуя в русле славянской гидронимической традиции, отмеченной Н. И. Толстым [Толстой, 1969, с. 211], которая, в определённой степени, была не чужда и балтам, данный термин вначале мог применяться для обозначения форм донного рельефа. В результате семантической эволюции, впоследствии, термин *kuba* мог распространиться и на положительные формы рельефа вообще. Наконец, в-третьих, и эта гипотеза представляется нам наиболее вероятной, данный термин в ранних индоевропейских языках или, быть может, в индоевропейском праязыке, имел абстрактное значение, применявшееся, в том числе, и для обозначения географических объектов. В дальнейшем его семантическое развитие в географической лексике отдельных индоевропейских языков шло обособленно, с возможными пересечениями семантических полей ввиду сложной истории отношений, как между самими индоевропейскими языками, так и их носителями. Для индоиранских языков, как нам представляется, более всего подходит значение, реконструируемое для данного термина М. Фасмером и П. Кречмером, которые сближали его с древнеиндийским *kubha* – влагообильная [Фасмер, 1986, с. 336]. К этому же значению, надо полагать, восходят русские слова *капля*, *купание*. В реконструированном же общеиндоевропейском значении мы склонны трактовать данный термин как выражение обобщения, собирательности – откуда и влагообильная может трактоваться как «собирающая, собравшая влагу». Тогда балтские оронимические термины можно рассматривать в семантическом значении «гора, возвышенность» – «собранный земля». Возможно, данное древнейшее значение индоевропейского термина с основой *kap / kor* сохранилось в латышском *kora* со значением «вместе», русском *копить* в значении «собирать что-либо»; украинском *купа* польском *kupa*, болгарском *купчина*, словенском *kup*, греческом *σῶρος* – «куча», особенное внимание обращает на себя курдское *kobani* со значением «соединение, скопление, союз».

Наконец, надо отметить, что, возможно, такие семантические противопоставления вообще являются особенностью индоевропейских языков.

Так, рассмотренная нами гидронимическая индоевропейская изоглосса *str* получает неожиданную интерпретацию в сербохорватском *стрмо* – «круча; крутизна».

В Самарском Поволжье ярким примером гидронимов с подобной основой является название *Кубра*, в котором сочетаются древнеевропейская основа *kub/kob/koba* и древнеиндоевропейский формант *ra*, рассмотренный нами выше. Прочие немногочисленные примеры гидронимов с данной основой с территории Самарского Поволжья нуждаются в тщательной проверке на предмет их возможного тюркского происхождения.

2.4. Формант *don / dan / danu*

Необходимо рассмотреть ещё один из известнейших индоевропейских гидроформантов *don / dan / danu*, который в современной топонимической традиции прочно и по праву связывается с сармато-аланской этноязыковой средой, но в прошлом, как мы увидим в дальнейшем, имел много более широкое распространение.

О бытовании данного гидроформанта в индоиранской среде можно судить по упоминаниям его, чаще всего, в качестве самостоятельного слова, в древнейших индоарийских и иранских памятниках. По-видимому, в иранских языках данный формант оставался топогенетичным долее всего, тогда как в индоарийских, на этапе письменной фиксации этих языков, а, вероятно, гораздо ранее, уже утратил эту функцию. Впрочем, для древнеиндийского всё же характерно слово *danu* со значением «роса; влага; капель; капля; сок» (причём, «фруктовый сок», как правило, *rasa*), что свидетельствует о том, что данный гидроформант мог быть характерен и для индоариев.

В «Авесте» данный гидроформант, по мнению большинства учёных, сохраняет значение «река», однако степень его участия в топонимизации невелика, что позволило В. И. Абаеву предположить, что данное слово в памятнике вообще является именем собственным: «Немногие места в «Авесте», где встречается слово *danu-*, дают право утверждать, что речь идёт не нарицательно о реке вообще, а об определённой реке» [Абаев, 1979]. Сам В. И. Абаев считал, что под этим названием в «Авесте» фигурирует *Сырдарья*.

В то же время, Ф. Х. Л. Бартоломе в своём словаре даёт для авестийского *danav* значение «река» вообще, безотносительно к какой-то определённой реке [Bartholomae, 1895, с. 57].

Вообще говоря, гидроформант в определённых обстоятельствах вполне может стать именем собственным для конкретной реки, часто с последующим приданием ему вновь нарицательной функции. Возможно, именно так обстоит дело с гидронимом в Средней Азии, передававшимся античными авторами идентично причерноморскому гидрониму – *Танаис*. Имела ли здесь в действительности место полная идентичность названий, или она представлялась таковой в сознании античных авторов, приспособивших новую географическую информацию, полученную в ходе походов Александра Македонского, к устоявшейся картине мира – для нашей

темы не столь важно. Важным представляется факт, что в авестийском языке, наряду с гидроформантами *rangha / rauda* и *ap / op* для обозначения водных объектов, продолжал бытовать и формант *danu / danav*. Гидронимия Южной Сибири свидетельствует, что данный формант оставался топогенетичным в каких-то местных иранских языках, вероятно, предковых для савромато-сарматских [Малолетко, 2003, с. 105].

Показательно, что в гидронимии Восточной Европы данный гидроформант связан именно с сармато-аланским миром, что подтверждается рядом сильных аргументов. Во-первых, гидронимия с формантом *don / dan / danu* маркирует продвижение сармато-аланских племён с востока на запад в хорошей корреляции с данными исторических письменных источников и археологическими материалами. Во-вторых, данный гидроформант до сих пор является топогенетическим в языке-потомке аланского языка – осетинском.

Здесь же следует отметить, что попытки ряда исследователей распространить бытование данного форманта также и на скифский язык выглядят неубедительными: среди названий рек Скифии, приведённых Геродотом, данный формант содержит лишь один гидроним – *Танаис*. Однако известно, что именно *Танаис* являлся пограничной рекой между скифами и савроматами и вполне мог носить савроматское название. Этот же факт указывает на то, что рассматриваемый гидроформант являлся общим для савроматов, сарматов и алан и оставался топогенетическим в их среде на протяжении, по меньшей мере, тысячелетия. Последовательно гипотезы об общей скифо-сарматской гидронимической номенклатуре в Северном Причерноморье придерживался В. И. Абаев, составивший также общий словарь «скифо-сарматских» наречий и достаточно категорично утверждавший, что в случае скифского и сарматского языков мы имеем дело с диалектами одного языка [Абаев, 1979]. Не рассматривая вопрос столь глобально, отметим ещё раз, что относительно гидронимии и гидронимических формантов у скифов и сарматов такое утверждение неверно: если сарматская гидронимия уверенно маркируется формантом *дон / дан*, то скифская гидронимия, насколько сейчас можно судить, общих формантов не имела, либо они не были столь широко распространены и всеобъемлющи. Данный вывод никоим образом не может повлиять на споры вокруг классификации и взаимном отношении друг к другу скифского и сарматского языков: топонимика знает примеры изменения функций и форм бытования гидронимических формантов в одних и тех же этноязыковых средах на разных этапах их исторического развития.

Так, тот же рассматриваемый нами гидроформант *don / dan / danu* обнаруживает явные следы бытования и в других индоевропейских языках, однако в специфических формах. В кельтской топонимической традиции формант *дон / дан / дун* фигурирует, главным образом, в ойконимии, где его значение может быть реконструировано в форме «поселение у воды / у реки; водосборник» (по альтернативным версиям, от *dun* – «укрепление» или даже «жилой холм»; от *dinas* – «гавань» и т. д.), что нашло отражение в таких кельтских ойконимах как Сингидун, Лондон и так далее.

В дополнительной проверке нуждается связь данного гидроформанта с кельтскими лексемами – валлийской *don* и ирландской *tonn*, имеющими значение «волна».

Известен данный гидроформант был и древним грекам, однако его топогенетичность проявлялась, в основном, в наименовании мифических географических объектов. Сравните: *Фермодон* (*Термодон*) – легендарная река амазонок, хотя и имеющая реальные аналогии, наиболее обоснованная из которых – река *Терма* в современной Турции, являющаяся, конечно, мифическим объектом, в чём не оставляют сомнений её описания у ряда авторов; *Эридан* – крупная река античной мифологии, иногда идентифицируемая с реальными объектами (напр., с Нилом), однако также имеющая чисто мифическое происхождение, что подтверждает и Страбон [Страбон, 1964], говоря, что «...Эридана нет нигде на Земле». Имеется также небольшая речка, протекающая через город Афины, которая носит название *Эридан*, однако здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с вторичной номинацией, которая восходит к мифологической праформе.

Все указанные формы бытования данного форманта в топонимии различных индоевропейских народов, возможно, являются отголосками более широкого, может быть, общеиндоевропейского его распространения. Дополнительным, хотя и спорным, аргументом в этой связи может выступать также ближневосточный гидроним *Иордан*, который, согласно одной из версий, восходит к какому-то индоевропейскому языку (возможно, языку филистимлян) [Иванов, 1988].

Кроме того, иранское население достаточно долгое время присутствовало на Ближнем Востоке – в VII веке до н. э. скифы вторглись в Палестину, в Иорданской долине существовал город Скифополь (современный Бейт-Шеан), где остались жить скифские воины-ветераны, при нём же существовало кладбище умерших от эпидемии скифов [Мартынов, Алексеев, 1986, с. 111]. Хронологически возникновение гидронима возводить к этому периоду нельзя, однако фонетическая калька здесь вполне возможна. В интерпретации иранского населения гидроним *Иордан* можно восстанавливать в форме *Уардан*, что, в свою очередь, этимологизируется из иранских языков как *Varu-Danu* – «Широкая река», что семантически по отношению к Иордану вполне оправдано в контексте ближневосточных гидрологических реалий.

Отсутствие на территории Самарского Поволжья ряда распространённых в индоевропейских этноязыковых средах гидронимических изоглосс – причём, в тех случаях, когда историко-культурные данные указывают на этноязыковую близость местного населения с населением других территорий, в топонимической номенклатуре которых данные изоглоссы объективно присутствуют – можно объяснить как разницей в топонимической парадигматике, так и высоким уровнем этноязыковой преемственности, когда предыдущий – преимущественно, индоевропейский же – гидронимический пласт признавался последующим индоевропейским населением «своим», с возможным сохранением первичной этимологизации. Именно этим, по-видимому, можно объяснить отсутствие

на территории Самарского Поволжья типичного савромато-сарматского гидроформанта *тон / дон / дан*, достаточно широко распространённого на других территориях, население которых в указанную эпоху обнаруживает явные этноязыковые связи с савромато-сарматами Средней Волги.

3. Заключение

Проведённое исследование ряда характерных для ранних индоевропейцев гидронимических формантов в связи с гидронимией и этнической историей Самарского Поволжья позволяет сделать ряд выводов. Одной из наиболее распространённых изоглосс являются устойчивые сочетания ряда фонем в индоевропейских языках, гипотетически возводимые к одной форме *sr / tr* со значением «течь, текущий». Наиболее архаичным и значимым для макро- и мезогидронимии исследуемого региона является формант *ра*. Другие проанализированные гидронимические форманты и изоглоссы – *kub / kob / koba* и *don / dan / danu* – существовали параллельно с *ра* либо включились в топонимический процесс на более поздних этапах индоевропейского освоения Самарского Поволжья. Приведённые с данными формантами примеры и их этноисторическая интерпретация подтверждают гипотезу о том, что основная гидронимическая номенклатура Самарского Поволжья была сформирована в раннеиндоевропейской этноязыковой среде в периоды развития самарской, хвалынской, древнеямной, полтавкинской и срубной археологических культур.

Список литературы

1. Абаев, В. И. Скифо-сарматские наречия [Текст] / В. И. Абаев // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. – М. : Наука, 1979. – С. 315–354.
2. Археологические открытия в Самарской области 2016 года [Текст] / под ред. А. Ф. Кочкиной, Д. А. Стащенко, В. А. Цибина. – Самара, 2017. – 24 с.
3. Барашков, В. Ф. Самарская топонимика [Текст] / В. Ф. Барашков, Э. Л. Дубман, Ю. Н. Смирнов. – Самара : СамГУ, 1996. – 192 с.
4. Беленов, Н. В. Гидронимия «балтского типа» в Самарском Поволжье [Текст] / Н. В. Беленов // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – № 3 (3). – С. 129–132.
5. Беленов, Н. В. Топонимия Волжской Булгарии в этноисторическом контексте [Текст] / Н. В. Беленов. – Самара : Офорт, 2016. – 286 с.
6. Васильев, И. Б. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи [Текст] / И. Б. Васильев // Комплексные общества в Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: материалы к междунар. конф. / под ред. Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1999. – С. 90–96.
7. Гаджиева, Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис [Текст] / Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. – М. : Наука, 1986. – 285 с.
8. Герценберг, Л. Г. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках [Текст] / Л. Г. Герценберг. – Л. : Наука, 1972. – 275 с.

9. Гордеев, Ф. И. О происхождении гидронима Волга [Текст] / Ф. И. Гордеев // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 122–129.
10. Горнунг, Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства [Текст] / Б. В. Горнунг. – М. : Наука, 1963. – 353 с.
11. Гройле, А. «Ономастическая археология» (на материале топонимии Германии) [Текст] / А. Гройле // Вопросы ономастики. – 2015. – № 2. – С. 101–113.
12. Иванов, В. В. Балто-славяно-тохарские изоглоссы [Текст] / В. В. Иванов // Балто-славянские исследования 1986. – М. : Наука, 1988. – С. 45–60.
13. Камалов, А. А. Башкирские географические термины и топонимия. [Текст] / А. А. Камалов. – Уфа : Китап, 1997. – 384 с.
14. Клейн, Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов [Текст] / Л. С. Клейн. – СПб., 2007. – 226 с.
15. Конкашпаев, Г. К. Словарь казахских географических названий [Текст] / Г. К. Конкашпаев. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1963. – 185 с.
16. Малолетко, А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимии : Т. 3. Арийцы [Текст] / А. М. Малолетко. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2003. – 288 с.
17. Мартынов, А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира [Текст] / А. И. Мартынов, В. П. Алексеев. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1986. – 144 с.
18. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе. – М-Л. : Наука, 1938. – 428 с.
19. Моисеев, Б. А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимический словарь [Текст] / Б. А. Моисеев. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. – 380 с.
20. Мурзаев, Э. М. Словарь местных географических терминов [Текст] / Э. М. Мурзаев, В. Г. Мурзаева. – М. : Гос. изд-во географической литературы, 1959. – 303 с.
21. Невская, Л. Г. Балтийская географическая терминология [Текст] / Л. Г. Невская. – М. : Наука, 1977. – 229 с.
22. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков [Текст] / Э. В. Севортян. – М. : Восточная литература РАН, 1974–2003. – 5099 с.
23. Серебренников, Б. А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР [Текст] / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. – 1955. – № 6. – С. 19–31.
24. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология [Текст] / под ред. Э. Р. Тенишева. – М. : Наука, 1988. – 560 с.
25. Страбон. География в 17 книгах [Текст] / Страбон / пер. и комм. Г. А. Стратановского. – М. : Наука, 1964. – 944 с.
26. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды [Текст] / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1969. – 262 с.
27. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья [Текст] / В. Н. Топоров, О. Н. Трубочёв. – М. : АН СССР, 1962. – 271 с.
28. Трубочёв, О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье [Текст] / О. Н. Трубочёв. – М. : Наука, 1999. – 320 с.

29. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер / перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1986. – 3304 с.
30. Членова, Н. Л. Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II – начале I тыс. до н. э. [Текст] / Н. Л. Членова // Советская археология. – 1989. – № 2. – С. 225–240.
31. Шрамм, Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках [Текст] / Г. Шрамм. – М. : Eastern Communications, 1997. – 160 с.
32. Bartholomae, F. C. L. Avestasprache und Altpersisch [Text] / F. C. L. Bartholomae. – Straßburg : GHB, 1895. – 296 S.
33. Krahe, H. Unsere ältesten Flussnamen [Text] / H. Krahe. – Wiesbaden : NDB, 1964. – 198 S.
34. Kretschmer, P. Inder am Kuban [Text] / P. Kretschmer // Anzeiger der Akademie der Wiss. n in Wien Philos. hist. Klasse. 80. – Jahrgang, 1943 ; Brunn. – Munchen. – Wien, 1944.

References

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiya [Scytho-Sarmatian languages]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskie yazyki* [The outline of Iranian languages studies. Old Iranian languages] (pp. 315–354). Moscow : Nauka Press.
2. Kochkina, A. F., Stashenkov, D. A., Tsibin, V. A. (eds) (2017). *Arheologicheskie otkrytiya v Samarskoy oblasti 2016 goda* [Archaeological discoveries in Samara Region in 2016]. Samara.
3. Barashkov, V. F., Dubman, E. L., Smirnov, Yu. N. (1996). *Samarskaya toponimika* [Samara toponymics]. Samara : SamGU Press.
4. Belenov, N. V. (2017). Gidronimiya «baltского типа» в Самарском Поволжье [Hydronyms "Balt type" in the Samara-Volga Region]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 9 (3-3), 129–132.
5. Belenov, N. V. (2016). *Toponimiya Volzhskoy Bulgarii v etnoistoricheskom kontekste* [Volga Bulgaria toponymy in ethnic and historical context]. Samara : Ofort Press.
6. Vasilyev, I. B. (1999). Rastsvet eneoliticheskikh kul'tur v Volgo-Uralskoy lesostepi [The blossoming of the Aeneolithic culture in Volga-Ural forest-steppe]. In D. G. Zdanovich, N. O. Ivanova, I. V. Predeina (eds), *Kompleksnye obshchestva v Tsentral'noy Evrazii v III–I tys. do n. e.* [Complex communities in Central Eurasia in III–I millennium BC] (pp. 90–96). Chelyabinsk : Chelyabinsk State University Press.
7. Gadzhieva, N. Z., Serebrennikov, B. A. (1986). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow : Nauka Press.
8. Gercenberg, L. G. (1972). *Morfologicheskaya struktura slova v drevnikh indoiranskikh yazykakh* [Morphological word structure in Old Indo-Iranian languages]. Leningrad : Nauka Press.
9. Gordeev, F. I. (1969). O proishozhdenii gidronima Volga [The origin of the hydronym «Volga»]. *Onomastika Povolzhya* [Onomatology of Volga Region] (pp. 122–129). Ulyanovsk.

10. Gornung, B. V. (1963). *Iz predystorii obrazovaniya obshcheslavyanskogo yazykovogo edinstva* [The history of forming All-Slavic-languages unity]. Moscow : Nauka Press.
11. Greule, A. (2015). «Onomasticheskaya arheologiya» (na materiale toponimii Germanii) [«Onomastic Archaeology» (with Reference to German Toponymy)]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2, 101–113.
12. Ivanov, V. V. (1988). Balto-slavyano-toharskie izoglossy [Baltic-Slavic-Tocharian isoglosses]. *Balto-slavyanskije issledovaniya* [Studies of Baltic and Slavic languages] (pp. 45–60). Moscow : Nauka Press.
13. Kamalov, A. A. (1997). *Bashkirskie geograficheskie terminy i toponimiya* [Geographic terms of Bashkiria and toponymics]. Ufa : Kitap Press.
14. Klein, L. S. (2007). *Drevnie migratsii i proishozhdenie indoevropeskikh narodov* [Old migrations and the origin of the Indo-European peoples]. St-Petersburg.
15. Konkashpaev, G. K. (1963). *Slovar' kazahskikh geograficheskikh nazvaniy* [The dictionary of the Kazakh geographic names]. Alma-Ata : AN KazSSR Press.
16. Maloletko, A. M. (2003). *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannym toponimiki. T. 3 : Ariytsy* [The ancient peoples of Siberia. Ethnic groups according to the data from toponymics. Vol. 3 : Aryans]. Tomsk : Tomsk University Press.
17. Martynov, A. I., Alekseev, V. P. (1986). *Istoriya i paleoantropologiya skifo-sibirskogo mira* [The history and paleoanthropology of the Scythian-Siberian world]. Kemerovo : Kemerovo State University Press.
18. Meye, A. (1938). *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeskikh yazykov* [Introduction into the comparative study of Indo-European languages]. Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
19. Moiseev, B. A. (2013). *Mestnye nazvaniya Orenburgskoy oblasti. Istoriko-toponimicheskii slovar'* [Local geographic names of Orenburgskaya Region. Historic-toponymic dictionary]. Orenburg : OGPU Press.
20. Murzaev, E. M., Murzaeva, V. G. (1959). *Slovar' mestnykh geograficheskikh terminov* [The dictionary of local geographic terms]. Moscow : Gos. izd-vo geograficheskoy literatury Press.
21. Nevskaya, L. G. (1977). *Baltiyskaya geograficheskaya terminologiya* [Baltic geographic terminology]. Moscow : Nauka Press.
22. Sevortyan, E. V. (1974–2003). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Turkic languages]. Moscow : Vostochnaya literatura RAN Press.
23. Serebrennikov, B. A. (1955). Volgo-Okskaya toponimika na territorii evropeyskoy chasti SSSR [Volga-Oka toponymics in the European part of the USSR]. *Voprosy yazykoznaia* [Topics in the Study of Language], 6 19–31.
24. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya. (1988). [Comparative-historic grammar of Turkic languages. Morphology]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow : Nauka Press.
25. Strabonis (1964). *Geografiya v 17 knigah* [Geographica in 17 books]. Translation and comments by G. A. Stratanovskiy. Moscow : Nauka Press.
26. Tolstoy, N. I. (1969). *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographic terminology. Semasiological essays]. Moscow : Nauka Press.

27. Toporov, V. N., Trubachyov, O. N. (1962). *Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verhnego Podneprovya* [Linguistic analysis of hydronyms of the Upper Dnieper lowlands]. Moscow : Academy of Sciences of the USSR Press.
28. Trubachyov, O. N. (1999). *Indoarica v Severnom Prichernomor'ye* [Indoarica in Northern Black Sea coast]. Moscow : Nauka Press.
29. Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Russian dictionary] / Translation and additions by O. N. Trubachyova. Moscow : Nauka Press.
30. Chlenova, N. L. (1989). Volga i Yuzhnyy Ural v predstavleniyah drevnih irantsev i finno-ugrov vo II – nachale I tys. do n. e [Ideas of the earliest Iranians and Finno-Ugrians about the Volga basin and the Southern Urals in the second and early first millennia B. C.]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 2, 225–240.
31. Shramm, G. (1997). *Reki Severnogo Prichernomor'ya. Istoriko-filologicheskoe issledovanie ih nazvaniy v rannih vekah* [The rivers of Northern Black Sea coast. Historical and philological study of their names in early centuries]. Moscow : Eastern Communications.
32. Bartholomae, F. C. L. (1895). *Avestasprache und Altpersisch*. Straßburg : GHB.
33. Krahe, H. (1964). *Unsere ältesten Flussnamen*. Wiesbaden : NDB.
34. Kretschmer, P. (1944). Inder am Kuban. *Anzeiger der Akademie der Wiss. n in Wien Philos. hist. Klasse. 80. – Jahrgang, 1943* ; Brunn. – München. – Wien.